

И. И. Плеханова

**Владимир Маяковский:
трагедия сверхчеловечности**

Иркутск 1994

А 63482532

Государственный комитет Российской Федерации
по высшему образованию
ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ:
ТРАГЕДИЯ СВЕРХЧЕЛОВЕЧНОСТИ
Учебное пособие

Иркутск 1994

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Иркутского государственного университета

Плеханова И.И. Владимир Маяковский: трагедия сверхчеловечности: Учеб. пособие. – Иркутск: Иркут.ун-т, 1994. – 48 с.

Работа содержит обзор и оценку новейших публикаций о В.Маяковском. Предложена целостная концепция творческого развития поэта как выразителя глубинных противоречий духовного, социального и нравственного поиска в XX веке. Трагедия Маяковского рассматривается как расплата за беспримерную и беспредельную свободу самодуховного утверждения.

Библиогр. 52 назв.

Научный редактор канд.филол.наук, доц. О.Н.Шахерова

Рецензенты: канд.филол.наук, ст.преп. Л.А.Азьмуко,
д-р филол.наук Н.П.Антипьев

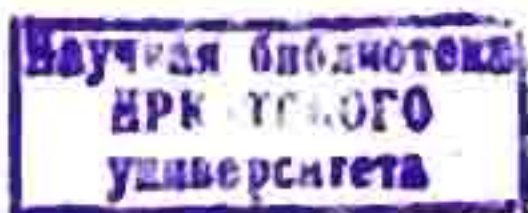
Редактор М.А.Айзиман

ЛР № 020592 от 9.07.92. Темплан 1994 г.

Подписано в печать 25.10.94. Формат 60х90 1/16. Бумага писчая.
Печать офсетная. Усл.печ.л. 3,0. Уч.-изд.л. 2,7. Тираж 500 экз.
Зак. //.

Редакционно-издательский отдел
Иркутского государственного университета
664000, Иркутск, бульвар Гагарина, 36

© Плеханова И.И., 1994

A52825L

ПРЕДИСЛОВИЕ

"Мой стих дойдет через хребты веков // и через головы поэтов и правительств. // Мой стих дойдет, но он дойдет не так..." ("Во весь голос"). Столетие Маяковского печально контрастировало с юбилейной чередой Гумилева, Ахматовой, Пастернака, Мандельштама и Цветаевой. Те торжества совпали с подъемом надежд, в прославлении опальных гениев выразилась готовность к историческому покаянию, тем более необременительному, что вдохновлялось оно искренней любовью и собственной незапятнанностью. Все мы как будто точно знали, что в те времена были бы рядом с гонимыми — и тем самым и на нас как бы падал ответ их правоты. Умные и красивые слова как будто стремились возместить недоданное при жизни.

В случае с Маяковским как-то не каялось. Сказалась не только усталость от прозренческого пафоса, но и нежелание признаться, что и сам когда-то был под обаянием призыва: "Разворачивайтесь в марше, словесной не место кляузе!". Тем более не принято сознаваться в еще совсем недавнем пиетете перед Лениным, даже если изначально не верил, что "партия и Ленин — близнецы-братья". Быть рядовым соучастником исторического заблуждения куда менее приятно, чем жертвой, да еще и избежавшей страдания. Но зато можно высказать все раздражение за обманутость и доказать себе и другим крепость заднего ума. Фигура Маяковского замечательно подходит для таких расчетов: настолько велик и открыт, что не промахнешься.

Творчество Маяковского действительно требует переоценки. Вопрос о том, какое место занимает этот гигант в русской поэзии, можно решать в традиционном русле, и тогда встанут две проблемы: проблема цельности творческого пути художника и проблема участия литературы в сотворении истории. Рассмотрение их оставляет Маяковского ключевой фигурой литературного и социального движения.

Духовный процесс не может разделиться на сторону формотворческую и содержательную. Нельзя признать заслуги новатора стиха и промолчать о существовании словесных формул, нельзя разделить ритм, героическую интонацию, грандиозную лирическую откровенность и — исторически не состоявшееся откровение. Роль литературного памятника на поле брани (исторической и филологической) не может удовлетворить не только поэта, но и чуткого читателя. Тем более, что Цветаева, зная всю зависимость Маяковского от злобы дня, мерила его масштабом будущего: "Нам непрестанно придется помнить (здесь

и далее все подчеркнутое выделено авторами – И.П.) на век вперед. Эта вакансия: первого в мире поэта масс – так скоро-то не заполнится. И обращаться на Маяковского нам, а может быть, и нашим внукам, придется не назад, а вперед."¹

Место в литературе – это живое присутствие в поэзии, участие в духовной жизни настоящего и будущего, к которому Маяковский так равномерно стремился. Отношение к поэту в последние годы далеко от однозначного. Восхищение Маяковским сохраняют живые свидетели его славы², те, кому он "умел, когда хотел, давать счастье"³. Но поколение, пережившее радость веры и отчаяние прозрения в 60-е, переоценивает прежнюю беспредельную любовь, хотя и признается в духовной зависимости от мощи стиха (Е.Чичибабин, Е.Евтушенко, В.Шефнер)⁴. Те, кто формировался в конфликте с официальной культурой, или предъявляют поэту непомерный счет за искажение природы поэзии⁵, или демонстративно игнорируют, как лауреат Пушкинской премии АН за 1993 г. Т.Кирилов: "Никаких ярких эмоций тексты Маяковского у меня не вызывают – чересчур ясны и неинтересны механизмы построения его стихов и побудительные мотивы их написания"⁶. Нарочитая небрежность и постмодернистская терминология – "тексты" – только доказывает: "Кумир поверженный все Бог". А русский авангард никак не очистит пароход современности, хотя и сменил героический пафос на иронический.

Попытки защитить Маяковского, приспособив его к современным взглядам, изумляют в лучшем случае своим простодушием: оказывается, обнаружение сквозных сексуальных мотивов в печально знаменитом стихотворении "Я люблю смотреть, как умирают дети..." ставит

¹ Цветаева М.И. Об искусстве. – М.: Искусство, 1991. – С.295.

² Гринберг С.С. "Всея нинчести изгой..." // Человек. – 1993. – № 5. – С.93–96.

³ Ланг Е.А. Он умел давать счастье // Человек. – 1993. – № 5. – С.113.

⁴ Поэты о поэте: Анкета "ЛГ" // Литературная газета. – 1993. – 14 июля.

⁵ Карабчиевский Ю.А. Воскресенье Маяковского. – М.: Советский писатель, 1990.

⁶ Поэты о поэте: Анкета "ЛГ" // Литературная газета. – 1993. – 14 июля.